

У входа в переулок мелькнул белый подол. Хэ И, учительница игры на пипе, замерла на полушаге.

Что... что она вообще сейчас видела?

Вокалист обнимал своего гитариста. В призрачном лунном свете казалось, будто они слились воедино — даже пряди их волос перепутались, а глухие стоны валявшейся на земле шпаны служили лишь блеклым звуковым фоном, который оба попросту игнорировали.

Хэ И во все глаза разглядывала скорчившихся на асфальте парней — смотреть в сторону Чэн Цзие она банально робела.

Отношения этих двоих оказались куда ближе, чем она могла вообразить. Они явно выходили за рамки обычной дружбы, устремляясь в какое-то совершенно иное, пугающее русло. От этого открытия Хэ И почувствовала, как по спине пробежал неприятный холодок.

Женская интуиция в один голос кричала о чем-то негласном, запретном, и от этого внезапного прозрения у нее тревожно екнуло сердце.

Юй Сингэ никак не ожидал, что Чэн Цзие явится сюда лично. Внезапное объятие отозвалось в груди приятным теплом, но парень все же притворно насупился:

— Да так, влип тут в мелкие неприятности.

Сказал он это совсем тихо, у самого уха партнера.

Только теперь Чэн Цзие сообразил, что сжал Юй Сингэ слишком сильно, почти отчаянно. Он на мгновение оцепенел, а затем, стараясь казаться непринужденным, разомкнул руки.

— Цел? — негромко спросил он.

Юй Сингэ уловил в его хриловатом голосе странную, едва различимую ноту. Словно сильное, долго сдерживаемое чувство едва не прорвалось наружу.

Гитарист весело прищурился:

— Абсолютно. А вот у них, кажется, проблемы посерьезнее моих.

В конце концов, махать кулаками он умел отлично — просто до сих пор как-то не выпадало случая блеснуть талантом.

Услышав это, хулиганы дружно затряслись от пронизывающего ночного ветра. Их вожак,

Мужчина со шрамом, сгорал от бессильной злобы. Обе задачи провалены, в глазах лопались сосуды от ярости, но пикнуть против этой парочки он больше не смел.

Ну кто же знал, что этот смазливый парень бьет как кувалдой?

Чэн Цзие медленно перевел взгляд на поверженных врагов. Мужчина со шрамом, покрытый свежими ссадинами и кровоподтеками, кое-как попытался подняться на карачки.

— Парни, мы не со зла... — засипел он, стуча зубами. — Это все недоразумение! Ошибка вышла!

Он не успел договорить. Чэн Цзие бесшумно вырос перед ним. Шагая, он как бы невзначай наступил на ладонь валявшегося рядом Желтоволосого. Тот взвыл раненым зверем, катаясь по грязи.

Лицо темноволосого вокалиста оставалось абсолютно бесстрастным. Он присел на корточки, заглядывая Мужчине со шрамом прямо в глаза:

— А я тебя знаю.

В юности Цзие мягкостью нрава не отличался. Дрался он жестоко, спуску никому не давал, а уж местную шваль, промышлявшую вымогательством и крышеванием, метелил без тени сомнения. За последние пару лет он заметно остыл, но здешнюю подпольную фауну помнил назубок.

Под тяжелым, угольно-черным взглядом гроза местных рынков сжался. В душе Мужчина со шрамом костерил Шэнь Чжи последними словами: ублюдок даже не предупредил, что связываться придется с такими костоломами! Сами ведь в петлю полезли. Но вслух он лишь заискивающе забормотал:

— Да нет же, старшой... Клянусь, попутали нас.

Чэн Цзие лениво ухватил его за воротник, приподнял над землей, встряхнул и швырнул обратно, после чего прижал подошвой тяжелого ботинка к грязному асфальту:

— Надо же. Извини, у меня тоже случайно вышло. Ошибка.

Мужчина со шрамом хрипло взвыл от боли, мысленно проклиная Шэнь Чжи до седьмого колена.

Юй Сингэ впервые видел Чэн Цзие в таком бешенстве. Обычно расслабленный, ироничный вокалист сейчас казался ледяным и смертельно опасным — к такому и на шаг подойти страшно.

Но Юй Сингэ страха не испытывал. Кудрявый парень широко улыбнулся и самым будничным

тоном поинтересовался у пленника:

— Послушай, а тебя часом не тот карманник нанял?

Какой еще карманник? Мужчина со шрамом понятия не имел, о ком речь. Но сдавать реального нанимателя было себе дороже, поэтому бандит закивал с такой силой, что из глаз брызнули слезы:

— Да-да! Он самый, век воли не видать! Он навел!

«Значит, точно не карманник», — подумал Юй Сингэ.

— В полицию хочешь? — с напускным сочувствием спросил он.

Главарь на секунду замер, изображая на лице дикий ужас, хотя в глубине души вздохнул с облегчением.

Сколько лет он терся в этих закоулках Цичэна — ментами его точно было не испугать. Главное, чтобы эти двое отпустили его прямо сейчас. Уличных камер в этом тупике нет, в участке он просто наврет с три короба, мол, обознался, с кем не бывает. Даже если закроют на пару суток — пара звонков нужным людям, и он снова на свободе. В захолустном Цичэне у него все ходы были схвачены, здесь он привык чувствовать себя хозяином положения.

Чэн Цзие усмехнулся и холодно произнес:

— Сделаем так. У меня есть встречное предложение.

Подошва ботинка переместилась к кадыку бандита. Возражать в таком положении было чистым самоубийством. Мужчина со шрамом обреченно выслушал условия «сделки», и от безысходности по его избитому лицу покатались крупные слезы.

Когда экзекуция закончилась, в полумраке подворотни прозвучал небрежный голос вокалиста:

— Проваливай.

Он даже не стал разыгрывать дешевую драму и кричать «катись отсюда».

Самодовольный ублюдок, привыкший к безнаказанности, и подумать не мог, что напорется на двух свирепых костоломов подряд. Подхватив стонущих подручных, он в панике ринулся прочь. У самого выхода из переулка вожак едва не сбил с ног застывшую там женщину. Огрызнувшись, он злобно зыркнул на испуганную учительницу и скрылся в темноте.

Хэ И судорожно сжала в ладони побелевший телефон.

Юй Сингэ приехал в Цичэн недавно и местных порядков не знал, а потому полюбопытствовал:

— Откуда уверенность, что он выполнит уговор?

Чэн Цзие скользнул взглядом по его лицу, залез в карман куртки и выудил миниатюрный диктофон:

— Вот поэтому.

Разумеется, на одну только полицию надежды было мало — за решетку этих крыс надолго не упрячешь. Но у Чэн Цзие имелись и другие рычаги давления.

Он коротко взглянул на гитариста и спрятал диктофон обратно.

Кое-какие грязные подробности уличной жизни его мальчику знать было незачем.

Наблюдая за ними, Хэ И чувствовала себя все более неловко. То, как эти двое общались, не укладывалось ни в какие рамки мужской дружбы. Сомнения тяжелым грузом легли на душу, но прерывать молчание было трудно. Наконец она заставила себя подать голос:

— Это... это я отправила тебе сообщение.

Она заговорила, словно оправдываясь перед Юй Сингэ. Хотя учительница явно недооценила парня — тот и в одиночку прекрасно раскидал бы бандитов, — ее предупреждение все же оказалось нелишним.

Юй Сингэ смущенно поскреб затылок и улыбнулся:

— В любом случае, спасибо вам огромное. Очень выручили.

Иначе он так и не узнал бы, насколько страшен Чэн Цзие в гневе. Парень едва сдержал довольную усмешку.

Чэн Цзие перевел взгляд на Хэ И. Его внимание на секунду привлекло заколотое в ее волосах маленькое белое украшение. Вокалист вежливо кивнул.

Они толком и знакомы-то не были. Обычная коллега по музыкальной школе, ничем не примечательная, разве что излишне болтливая.

Однако они с Юй Сингэ, судя по всему, возвращались вместе.

«Они что, так близки?»

Пальцы Чэн Цзие в кармане крепче сжали корпус диктофона. Мужчина заставил себя отвернуться, сохранив бесстрастный вид.

Хэ И украдкой наблюдала за ними, задыхаясь от невидимой стены, которой они отгородились от всего мира. Поняв, что она здесь лишняя, она попыталась сгладить неловкость мягкой улыбкой:

— И все-таки странная история. Не похоже, чтобы они хотели вас ограбить.

«Конечно не грабеж», — подумал Юй Сингэ.

С самого начала было ясно, что шпана целилась конкретно в него. Особенно тот ублюдок с тесаком, который так и норовил полоснуть его по сухожилиям на руках. Жаль, парень не успел закончить начатое — Юй Сингэ одним точным ударом ноги отправил его в полет. Кстати, брошенное оружие валялось прямо под ногами.

Он нагнулся, поднял оброненный тесак и небрежно сунул его под куртку. Хэ И при виде холодного оружия заметно побледнела.

Если бы Юй Сингэ действительно был изнеженным творческим мальчиком, этот клинок сделал бы его калекой на всю жизнь. Но кудрявый оболтус лишь весело фыркнул:

— Металл отличный. Дома как раз кухонный нож затупился.

На самом деле Юй Сингэ догадывался, чьих рук это дело. Нападавшие целились в суставы. В Цичэне у него был лишь один враг, способный на такую низость.

В оригинальном романе Шэнь Чжи уже проворачивал подобное. Взбешенный тем, что вокалист вечно путается под ногами и рушит его планы, он нанял бандитов, чтобы припугнуть Чэн Цзие. Вот только теперь под раздачу попал его гитарист.

— Отдай мне, — потребовал Чэн Цзие, протягивая руку.

Юй Сингэ секунду колебался, но послушно вложил рукоять в его ладонь, шутливо добавив:

— Держи. Ты у нас на кухне все равно главный шеф.

Поразительное хладнокровие в такой ситуации.

Хэ И посмотрела на них затуманенным, сложным взглядом. Тканевый лепесток в ее волосах легонько подрагивал от сквозняка. Справившись с эмоциями, она тихо произнесла:

— Если решите заявить в полицию, я готова пойти свидетелем.

Она украдкой глянула на Чэн Цзие. Тот сдержанно кивнул и сухо поблагодарил.

Два полюса: теплое, домашнее общение с Юй Сингэ и ледяная стена вежливости для нее.

В груди у Хэ И заняло. Какие бы узы братства ни связывали этих парней, их поведение давно перешагнуло черту обычного товарищества.

Разве друзья обнимают друг друга так... отчаянно? Словно боятся потерять навсегда.

Не в силах больше выносить эту неловкость, она попрощалась. Юй Сингэ приветливо помахал ей на прощание, оставаясь все таким же открытым и дружелюбным.

Смрад сырости и гниющих отбросов из ливневки ночью казался особенно въедливым, но лунный свет ложился на мостовую ровным серебряным полотном. Даже выбравшаяся из щели мокрица замерла на чугунном люке, греясь в блеклых лучах. Чэн Цзие невольно опустил взгляд на запястья Юй Сингэ — под лунным светом кожа казалась ослепительно белой, почти прозрачной.

— Да цел я, цел, — заметив его пристальный взгляд, Юй Сингэ раскрыл ладони и повернул руки предплечьями вверх.

Тонкая кожа действительно была чистой, без единой царапины. Чэн Цзие резко отвел глаза.

— Вот и отлично, — отозвался он как можно ровнее.

На языке вертелся вопрос о Хэ И, но Чэн Цзие не находил предлога, чтобы озвучить его. С какой стати ему интересоваться чужой личной жизнью? Любая формулировка прозвучала бы слишком двусмысленно. Они ведь договорились остаться друзьями. А значит, переходить границы дозволенного нельзя.

Чэн Цзие крепко сжал губы. В груди разлилась привычная глухая горечь. Даже если его подозрения подтвердятся, у него нет ни малейшего права требовать объяснений или ревновать.

Юй Сингэ, не подозревая о буре в чужой душе, вдруг хлопнул себя по лбу и полез в сумку. Достав оттуда свернутые нотные листы, он протянул их вокалисту:

— Чуть не забыл. Это Хэ И передала. Ты в прошлый раз оставил в классе.

Чэн Цзие на мгновение замер, принимая бумаги, а затем глухо спросил, уводя разговор в сторону:

— Вы близко общаетесь?

Гитарист удивленно вскинул голову, не понимая, к чему этот вопрос.

Чэн Цзие и сам устыдился своей поспешности. Ревнивые интонации прозвучали чересчур отчетливо.

Впрочем, Юй Сингэ лишь беззвучно подивился слепоте своего друга. Надо же было не замечать, что Хэ И дышит к нему равнодушно!

К самой учительнице он не испытывал неприязни. В первоисточнике она была безобидным второстепенным персонажем — живой декорацией, чья безответная влюбленность служила лишь фоном для драмы главных героев. Ему претила сама идея книжных условностей, ведь здесь, в реальности, перед ним стояли живые люди со своими чувствами и болью.

Парень пристально взгляделся в лицо вокалиста. И сквозь густые ночные тени вдруг уловил истинный смысл его вопроса.

О чем на самом деле думал Чэн Цзие, когда спрашивал про Хэ И?

Словно повинувшись неведомому порыву, Юй Сингэ тихо ответил:

— Мы просто коллеги. Ничего больше.

Разноцветные отсветы неоновых вывесок мешались с мертвенно-бледным лунным сиянием. Из подворотен старого квартала тянуло сыростью и кислым запахом винных погребов. В полумраке темно-каштановые глаза Юй Сингэ казались глубокими, манящими, точно выдержанный ликер.

Чэн Цзие уловил в глубине этих глаз мимолетную, едва заметную искру веселья. Она тут же угасла, будто ее и не было.

Сердце вокалиста пропустило удар. Напряжение, сковавшее пальцы, сжимавшие ноты, незаметно спало.

«Понимает ли он, насколько двусмысленно звучит его ответ?» — пронеслось в голове у Чэн Цзие.

Цзие никогда не копался в мотивах посторонних людей — ему было плевать на их чувства. Но Юй Сингэ... Юй Сингэ был исключением из всех правил. С ним он отчаянно, до боли искал хоть какую-то определенность. Хоть какую-то прочную опору, которая позволила бы и дальше разыгрывать эту нелепую комедию под названием «просто друзья». Иначе он рано или поздно сорвется. Переступит черту, за которой пути назад уже не будет.

Внутри клокотал целый ураган противоречивых чувств, но Чэн Цзие лишь устало опустил

ресницы. Его тихий вздох затерялся в шуме ночного города:

— Понятно.

Он знал, что обречен стоять на месте. Не смел сделать и шага навстречу. И все же упрямо искал в каждом жесте, в каждом взгляде кудрявого парня намек на взаимность. Пусть это глупо, пусть это чистой воды самообман — ему было все равно.

Ему жизненно необходимо было верить, что у них есть хотя бы крошечный, один на миллион, шанс. Самый ничтожный.

Тот самый повод, который наконец позволит ему набраться смелости и сказать вслух: «Мне мало просто дружбы с тобой».

<http://bllate.org/book/18241/1765496>